

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82.09(092)
doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-115-120

СТИЛЕВЫЕ ИСКАНИЯ «ДЕРЕВЕНСКОЙ» ПРОЗЫ

© *Хава Нахаевна Темаева*

Чеченский государственный университет, г. Грозный, Россия
temaeva25@mail.ru

Аннотация. Устанавливается единство поисков и устремлений прозы, получившей в начале 1960-х годов название «деревенской». У «деревенской» прозы развился интерес к народной жизни вообще и к русской деревне. Каким должен быть язык современной прозы? Эта проблема волнует сегодня многих и зрелых, и молодых писателей. В ней есть новая острота, связанная с тем, что под напором языка радио, телевидения, газеты ощутимо меняются речь и мышление современного человека. Но нельзя считать, что только в 1970-е годы проблема языка и стиля стала дискуссионной. Тревожные голоса о том, что языку грозит опасность нивелировки, раздавались и раньше, и характер этих споров уже предвещал и будущие дискуссии о языке, и будущие стилиевые процессы в прозе. В данном исследовании показано, что русская литература второй половины XX века находится в процессе поисков. Однако ее идейно-художественные искания не аморфны – они направлены на познание современного мира в его глубинных проявлениях. Общим пафосом литературы является пафос «интеграции интересов и устремлений», целостный охват действительности.

Ключевые слова: «деревенская» проза, стиль, Залыгин, Белов, автор, герой.

Для цитирования: Темаева Х.Н. Стилиевые искания «деревенской» прозы // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90. № 1. С. 115-120. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-115-120

PHILOLOGY

Original article

Stylistic search for "village" prose

© *Khava N. Temaeva*

Chechen state university, Grozny, Russian Federation
temaeva25@mail.ru

Abstract. The unity of the searches and aspirations of prose, which received the name "village" in the early 1960s, is established. "Village" prose developed an interest in folk life in general and in the Russian countryside. What should be the language of modern prose? This problem worries many mature and young writers today. It has a new sharpness associated with the fact that under the pressure of the language of radio, television, newspaper, the speech and thinking of modern man are significantly changing. But it cannot be assumed that only in the 1970s the problem of language and style became debatable. Disturbing opinions that language is in danger of leveling have been heard before, and the nature of these disputes already foreshadowed both future discussions about language and future style processes in prose. These are the issues raised in this article. This study also shows that Russian literature of the second half of the XX century is in the process of searching. However, its ideological and artistic searches are not amorphous – they are aimed at the knowledge of the modern world in its deep manifestations. The general pathos of literature is the pathos of "integration of interests and aspirations", the holistic coverage of reality.

Key words: "village" prose, style, Zalygin, Belov, author, character.

For citation: Khava N. Temaeva Stylistic search for "village" prose. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 90. No 1. P. 115-120. doi: 10.18522/2070-1403-2022-90-1-115-120

Введение

Отказ от автономного существования персонажа и самостоятельности его стилиевой зоны всегда являлся в русской литературе одним из самых мощных источников обновле-

ния и развития стиля. Признавая необходимым учиться у народа его живому языку, многие писатели в 1950-е годы воспринимали народный язык как нечто экзотическое, далеко отстоящее от реальной, окружающей их жизни. Ориентация на «образцы» народной речи, когда эта речь осмыслялась как нечто существующее параллельно обычной жизни и общедоступному языку, также была одним из сигналов об ослаблении естественности стиля.

В контексте стилевых норм своего времени это явление объяснимо: оно несло на себе печать общего процесса – сушения понятия «литературность» до понятия «нейтральность». Ориентация же на «нейтральный» стиль, пишет исследователь современной русской стилистики Т.Г. Винокур, «в корне меняет оценку и восприятие авторами художественных произведений разговорной речевой стихии» [2, с. 88]. Перспективный процесс преодоления обособленности стиля от изображаемой действительности, от живущего в ней человека был чутким барометром, сигнализирующим о новых явлениях в прозе. Парадокс состоял в том, что чем определеннее становилась борьба за индивидуальность художественного стиля, тем как будто упорнее отказывались писатели от того, чтобы считать авторскую речь монополярной в структуре стиля.

Восстановление в правах «чужого слова» явилось действительно самым важным фактором современного стилевого процесса. В многоплановых произведениях точка зрения героя организует большие повествовательные фрагменты, целые главы (в трилогии «Пряслины» Ф. Абрамова, романе К. Федина «Костер», повести В. Распутина «Последний срок», повести Ю. Трифонова «Долгое прощание»). Существуют и произведения, синтезирующие в себе авторское описание внутреннего мира героя с его разговорной речью. Колорит народно-разговорной речи создается не особым образом подобранной лексикой, но всем строем художественного текста, имитирующим народную манеру эпического рассказывания, свойственную ему бытовую детализацию, неспешность размышлений.

Обсуждение

Так ли легко уловить, где кончаются владения автора и начинаются владения героя? Этот ракурс открывает перед нами новые грани и новые возможности современной прозы. С. Залыгин с его склонностью изображать самые обыкновенные случаи из жизни своих героев, но «случаи серьезные, поворотные», которые в силу сочетания обыденности и исключительности обретают «огромное, уже не литературное, а философское значение» [3, с. 9]. Автор вводил читателя повести «На Иртыше» в драматическую ситуацию, имеющую далеко идущие последствия для его главного героя. Именно Степан Чаузов ведет крестьян к дому поджигателя, именно он остается один на один со стариком Ударцевым, именно он командует расправой над ударцевским домом. С приходом Ольги Ударцевой и ее маленьких детей в его дом Степан, чтобы прокормить увеличившуюся семью, оставляет у себя небольшой избыток зерна. За отказ сдать дополнительное зерно Чаузова объявляют классовым врагом и высылают «за болото». Вырванная из контекста, эта драматическая коллизия могла бы звучать трагически, потому что описанные события предопределили тяжелую, незаслуженную долю Степана Чаузова. Тем более удивительно общее жизнеутверждающее звучание этого произведения.

Где же лежит его внутренний драматический узел? Одна из важнейших страниц повести «На Иртыше» приходится на разговор следователя со Степаном. Поступок Степана, сначала разрушившего дом классового врага, а потом приютившего его семью и отказавшегося сдать дополнительное зерно, кажется следователю недоразумением: он не вмещается в рамки его сознания. Следователь сосредоточился на поступке Степана, но оказался не в силах уловить его истинные мотивы. Разрушение дома было ответом на поджог, ответом на покушение на его жизнь со стороны классового противника. Но Степан не принимает эту схему, видимой стройности мотивировки он противопоставляет иные нравственные основания. Он не может выгнать женщину с тремя детишками на мороз. Следователю непонятно упорство Степана. Степану непонятен следователь. Личные нравственные нормы, которыми руководствуется Степан, решительно разошлись с теми нравствен-

ными постулатами, которыми руководствуется следователь. Но сочувствие автора на стороне Степана; это заставляет нас задуматься об истинном смысле этого несовпадения, чтобы решить вопрос о том, кто же прав в этом споре.

Если мы очистим конфликт повести от внешних наслоений, то увидим, что истинная его суть не только в несправедливости обвинения. Гораздо важнее подоплека этого конфликта, сигнализирующая о нравственном непонимании столкнувшихся в этом конфликте героев. Анализируя дело Степана, следователь пробовал объяснять поступок, только исходя из самого факта, опуская те психологические мотивы, те сложные душевные движения, которые его вызвали. Люди, разбиравшие дело Степана Чаузова, потому были так преступно равнодушны, что они считали, будто одного поступка уже достаточно для объяснения обстоятельств, в которых он совершился. Они судили Степана на основании фактов, не вникая в их психологические причины. Но поступок – безличен без мотивировки. Он допускает любую подстановку, он нивелирует человека.

Рисуя своего героя как напряженно мыслящую личность («все думы да вопросы»), как человека ищущего (это подчеркнуто сетью размышлений, философски окрашивающих повесть, хотя и выступает эта философия в наивной форме, в виде житейского здравого смысла), Залыгин создает образ духовно богатого человека, умственное и нравственное превосходство которого признают односельчане. Не «индивидуализм», а «индивидуальность», – таково художественное «исполнение» образа Степана Чаузова. Такая оценка звучала и в годы, когда разворачивается действие. Утверждая своего героя как незаурядную личность, делая его точку зрения на мир основной призмой преломления действительности, а меру его ума основой понимания истинных и мнимых ценностей эпохи, Залыгин раскрывает глубокие корни стоящей за Степаном правды.

Стремление дать читателю возможность ощутить истину непредвзято и явилось той глубинной мотивировкой, которая обуславливает и кажущееся самораскрытие «чужого сознания», и активность «чужого слова» в современной литературе. Несобственно-прямая речь дает возможность подчеркнуть причастность автора к происходящим событиям и душевной реакции героя. Но как рождается – в процессе художественного творчества – это перевоплощение? Так объясняет это В. Катаев: «Перевоплощаясь в «другого человека», писатель по-настоящему верит в его поступки, действия, в его мысли. Без этого характер не может стать объемным» [4, с. 126].

Вот как выглядит сегодня чисто эстетическая характеристика перевоплощения. Однако размышления Залыгина о перевоплощении вносят в характеристику этого вечного, неизменного, обязательного элемента творчества существенные и остро современные коррективы. Мысль об обратном влиянии образа, о том, что в процессе создания художественного произведения отношения автора и героя «взаимны и взаимодейственны», проливает дополнительный свет на животрепещущую проблему связи слова с убедительностью внутренней логики характера.

Стремление говорить, как бы от лица самой жизни порождает и повышенную афористичность, как бы конденсирующую опыт народа. Повесть Залыгина философски окрашена не только потому, что насквозь пронизана размышлениями Степана Чаузова, но еще и вследствие того, что его «думам» и «вопросам» придан широкий и общий смысл: «Смерть не тревожит, тревожит жизнь – как ее нынче человеком прожить?». Автор не навязывает рассуждения и выводы, но незаметно придает размышлениям Степана общий смысл. Это снимает кажущееся противоречие между предельной конкретностью мышления героя и обобщенностью его суждений: Степан Чаузов замкнут бытом, его мысли не выходят за пределы частной жизни, но в то же время размышления и раздумья отдельного человека, не мыслителя и не философа, приобретают характер надличных, всеобщих философских размышлений.

Эти же свойства прозы отметила критика как принципиально новые и по выходе повести В. Белова «Привычное дело» (1966). В 60-е и затем в 70-е годы они определили но-

вый стилевой облик литературы. Повесть В. Белова начиналась словоохотливым, спотыкающимся, идущим кружным путем к смыслу разговором Ивана Африкановича с конем Парменом. Казалось, ни слова не изменил автор в этом монологе, тщательно зафиксировав пьяную болтовню Ивана Африкановича, сохранив и неправильное произношение некоторых слов, и присловье – «дело привычное», и устную интонацию рассказа о том, как они с Мишкой поспорили и до чего доспорились, и покашливание, и приговаривание.

В то же время было ясно, что ни интонация, ни частушки, ни измененные народной этимологией слова не являлись обмолвкой автора. Белов воспроизводил общий склад народной речи, он тактично сохранял особенности местного произношения («нидилька» вместо «неделька», «робетешка» вместо «ребятишки», «сотона» вместо «сатана»), он не боялся просторечных, не вошедших в литературу слов («налелькались», «ухайдакать») и придерживался самого духа народной образности (водка – «белоглазая», девки – «толстопятые»).

Слово в повести отчетливо окрашено колоритом и интонацией устной речи. Авторская речь как бы окрашена речью героя, она будто приняла на себя его, героя, манеру мыслить и говорить. Нельзя не обратить внимания, что даже тогда, когда слово отрывается от героя и строится заведомо как авторское, не создается перебой стилистического ритма. Герой получает тем самым новые возможности для выражения внутреннего состояния и внешнего мира. Он видит то, чего не смог бы увидеть сам.

Как и Залыгин, Белов тщательно следит за тем, чтобы описания, сравнения, характеристики находились в системе мышления и мировосприятия героев. Краски, звуки, сравнения, уподобления, неторопливые описания – все это находится в русле крестьянского мироощущения, создавая впечатление, что мировосприятие героев и автора находится в одной плоскости. Автор проникся мироощущением героя, находя для этого точные в полновесные выражения.

В повестях Залыгина и Белова истина выступила не отвлеченно и абстрактно, как эманация чистого разума, как умозрительное заключение, оторванное от живой реальности чувствующего и переживающего жизнь человека, – она предстала как конкретная, вырастающая из реального существования человека личная правда. Перевоплощение авторской речи сопровождается особым характером отношений между сознанием героев и окружающей их реальностью. В повести «На Иртыше» нет описания действительности – она предстает как объект восприятия главного героя, как предмет его раздумий и размышлений. В повести Белова, которая отмечена большей подвижностью структурных элементов, писатель охотно передоверяет своим героям «рассказывать о себе и своих делах, а сам уходит в сторону, как бы слушая их со стороны, и снова берет слово тогда, когда без него, автора, не обойтись» [1].

То, что в традиционной прозе выполняет автор, освещая героя и его точку зрения на мир, теперь становится делом героя; действительность «просвечивает» через него, отраженная в его сознании. О герое мы знаем только то, что говорит он сам о себе – не случайно воспоминания в повестях Залыгина и Белова занимают такое заметное место: они создают воздух, измерения героя. При этом не только действительность самого героя и окружающий его мир переводятся в его кругозор, но сам этот кругозор, сама точка зрения на мир предстает как бы отстраненной от вмешательства автора.

Особенно важным Д. Лихачев считает понимание того факта, что «реализм меняет средства изображения в зависимости от предмета изображения, изобретает все новые и новые средства выражения, борется с литературными канонами, стремится освободиться от них в изображении мира, человека, его поведения, психологии, связей с окружающим обществом» [5, с. 55]. В чем же сила внелитературного языкового материала, если эта сила сокрушает традиционную и, значит, устойчивую, уже устоявшуюся, принятую стилевую форму.

Художественный опыт развития советской литературы показывает, что процесс ломки повествовательных форм действительно драматичен. Стилиевые структуры обладают огромной инерционной силой; ломка канонизированных форм нередко кажется консервативному взгляду кощунственным издевательством над книжно-письменной речью. Слово в лучших произведениях советской литературы несет в себе такую связь с жизненным целым, такую опору на широкий – общенародный – жизненный контекст, оно так пропитано общими оценками и так нагружено общим смыслом, что автор, исходя из жизни, к жизни же и апеллирует; образуется единая сквозная нить, связывающая писателя, действующих лиц его произведения и его слушателей, – все это характеризует то новое, что определило развитие современной прозы.

Выводы

Стиль явился локатором более серьезных процессов, происходивших на глубине. Процессы эти требуют особого внимания. Когда впервые была опубликована повесть В. Белова «Привычное дело», в ней был один, вначале не замеченный, пласт: странное несоответствие между напряженностью вопроса о смысле жизни и простотой ответа на него. В этой книге, спокойной – в начале, трагической – в конце, Иван Африканович мучился нерешенными вопросами, спорил с Митькой о том, есть ли правда, потом отступал от своей правды и вновь, покаранный смертью Катерины, к этой правде возвращался, а намучавшись, приходил к мысли: «Надо жить, деваться, видно, некуда».

В бесхитростности этого ответа крылось, казалось нам, какое-то бессилие мысли философствующего героя. И было непонятно, почему так настойчиво возвращается писатель к изображению круговорота природы, почему сопрягает он выход Ивана Африкановича к идее жизни с вечной повторяемостью дня и ночи, незыблемой сменой времен года. В. Белов заставляет Ивана Африкановича, взглянув на небо и звезды, почувствовать себя частицей огромного мироздания, ощутить страх перед смертью и задуматься над тем, «с чего началось, чем закончится?». Конечно, можно увидеть в этих размышлениях Ивана Африкановича только мотив возвращения к истокам, приобщения к естественному миру для исцеления души. Так это и было в свое время прочитано, так об этой книге и писали, не скрывая, впрочем, своего недоумения перед тем, как все хорошо «изображено» и как незатейливы в то же время размышления Ивана Африкановича.

Писатель должен слушать своего героя и больше давать ему свободы. Признав объективную художественную силу, заключенную в характере, мы не можем не задуматься над тем, в каком отношении к способу самовыражения находится сегодня характер. О том, как на основе напряженных размышлений о жизни, на основе поиска новых нравственных и стилиевых решений возникают самобытные художественные миры, рассказывают читателям писатели, вместившего в себя боль, тревогу и надежды нашего времени.

Список источников

1. *Борисова И.* Привычное дело – жизнь // Литературная газета. 1966. 3 декабря.
2. *Винокур Т.Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. 232 с.
3. *Залыгин С.* Искусству много дела на земле. М.: Советская Россия, 1964. 109 с.
4. *Катаев В.* Обновление прозы // Вопросы литературы. 1971. № 2. С. 124–131.
5. *Лихачев Д.С.* Об одной особенности реализма // Вопросы литературы. 1960. № 3. С. 53–60.
6. О писательском труде: Сборник статей и выступлений советских писателей. М., 1963. 372 с.

References

1. *Borisova I.* Habitual business – life // Literary newspaper. 1966. December 3.
2. *Vinokur T.G.* Stylistic development of modern Russian colloquial speech // Development of functional styles of the modern Russian language. M.: Nauka, 1968. 232 p.
3. *Zalygin S.* Art has a lot to do on earth. Moscow: Soviet Russia, 1964. 109 p.
4. *Kataev V.* Renovation of prose // Questions of Literature. 1971. No. 2. P. 124–131.
5. *Likhachev D.S.* On one feature of realism // Questions of Literature. 1960. No. 3. P. 53–60.
6. About writer's work: Collection of articles and speeches of Soviet writers. M., 1963. 372 p.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 05.02.2022.

The article was submitted 19.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 05.02.2022.